

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Вторая Нина

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Вторая Нина / Л. Чарская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 212 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77651-1

Героиня повести — гордая, отважная красавица, настоящая горянка — выросла в доме грузинского князя, много лет назад потерявшего любимую дочь. Девушке довелось пережить немало тяжелых испытаний — как в горах Кавказа, так и в стенах петербургского института...

Многие персонажи повести знакомы читателю по знаменитой книге Л. Чарской «Княжна Джаваха».

BIC FC
BISAC FIC000000

Вступление

В грозовую ночь

— Быстрее, Смелый! Быстрее, товарищ! — И смуглая маленькая рука, выскользнув из-под полы косматой бурки, нежно потрепала влажную, в пене, спину статного вороного коня... Конь прибавил ходу и быстрее ветра понесся по узкой горной тропинке над самым обрывом в зияющую громадной черной пастью бездну...

Юный всадник, с головой закутанный в бурку, припал к шее своего четвероногого друга, крепче уперся ногами в стремя, сильнее и круче натянул поводья.

Гроза надвигалась. Причудливо разорванные черные тучи, пугливо толпясь и сдвигаясь, как бы прижимались друг к другу — в страхе перед тем надвигающимся таинством, роковым и могучим, что должно было произойти в природе. Предгрозовой бурный и дикий вихрь кружил в ущельях и терзал вершины каштанов и чинар внизу, в котловинах, предвещая нечто жуткое, страшное и грозное. Казалось, не ветер свистел в ущельях, а черные джины гор и пропастей распевали свои погребальные песни...

Точно подкрадываясь все ближе и ближе мягким кошачьим шагом, надвигалась из темноты ночи непостижимая тайна

стихии. И от этого ощущения тоскливо сжималось сердце всадника в бараньей бурке.

Юный всадник горячил коня задниками высоких туземных сапог-чуваков из желтой кожи и, наклоняясь к черному, как сажа, уху вороного, шептал:

— Но-но... Прибавь еще ходу, Смелый... Живее, голубчик!.. Айда! Нам надо до грозы добраться в Гори... Не то плохо придется нам с тобой! Вперед, мой Смелый! Спеши! Вперед!

Легкий взмах нагайки... Характерное гиканье... И умное, гордое животное понеслось по откосу бездны с быстротою стрелы, выпущенной из лука.

Тьма разом застлала чернотой и небо, и землю, и горы, и бездны... Дикий свист ветра превратился в сплошной могучий рев... Уже не темные джины улюлюкали в глубокой пропасти... Сам шайтан, князь бездны, скликал ночных духов на свой страшный полночный пир. Беспросветная тьма вдруг разорвалась ослепительной стрелой молнии. Оглушительный удар грома потряс каменные твердыни... Великаны-горы ответили громким протяжным стоном... Первый удар раскатился далеким эхом и пропал в беспредельности... Где-то поблизости сорвалась тяжелая гряда обвала... Осколки ее покатались в бездну, звеня и гремя, по каменистой почве...

Смелый резко остановился и замер, дрожа, фыркая и дико кося налитым кровью глазом.

Напрасно смуглая рука всадника поглаживала его взмыленную спину, а ласковый голос одобряюще шептал в уши:

— Но-но, мой милый, мой славный! Но-но! Вперед, товарищ... Скоро и Гори... Айда! Айда, Смелый!

Тщетно. Ответом было лишь тихое, тревожное ржание испуганного коня. Будто Смелый просил у хозяина прощения.

Тогда юный всадник легко спрыгнул с седла и, взяв коня за повод, повел по тропинке, осторожно шагая в ночи.

Кругом грозными великанами теснились скалы... Они казались призрачными стражами наэлектризованной душной ночи... От цветов, что росли в низинах, поднимался сюда,

в горы, дурманивший, как мускус, пряный аромат, кружа голову и тревожа воображение неясными образами и туманными грезами.

Теперь оглушительные раскаты грома следовали удар за ударом — без конца и счета. Огненные зигзаги молний то и дело прорезывали кромешную тьму. Тяжелые капли дождя ударили в каменистую почву... Начался ливень...

— Великий Боже! Мы опоздали! — испуганно воскликнул юный всадник. Через минуту он был в седле, взмахом нагайки пустил коня, и тот помчался вперед — наудачу, прямо в чернеющую мглу.

Отчаянный скачок Смелого, испуганного очередным ударом грома, оказался роковым — конь и его хозяин полетели в бездну.

* * *

— Ты слышишь крик, Ахмет?

— Тише, ради Аллаха! Великий джин бездны не любит, когда люди вслушиваются в его ночной призыв...

— А ты, Сумбат-Магома, ты слышал?

— Так, господин... Но это был не крик шайтана, клянусь могуществом Аллаха, это человек взывал о помощи. — Смуглый горец покосился в беспросветную тьму ночи.

— Ты уверен в этом?

— Слушай! Ухо Сумбат-Магомы верно, как слух горного джейрана... Оно никогда еще не обманывало меня... В горах кричит человек и просит о помощи...

— Не слушай его, — смеясь, возразил тот, которого звали Ахметом, — он, как дряхлые старухи аула, склонен видеть то, чего нет, и не замечает порой того, чего не пропустят соколиные очи твоих верных абреков... Сумбат-Магома, ты грезишь наяву! Проснись!

Тот вздрогнул, схватился за кинжал, и смуглое лицо его вспыхнуло ненавистью... Бог знает, чем кончилась бы для Ах-

мета его неосторожная шутка, если бы тот, кого оба горца почтительно называли господином, не положил на плечо обиженного небольшую, но сильную руку.

— Спокойно, Магома! Не будь ребенком... Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы — кунаки, клялись друг другу в кровной дружбе... Напоминаю тебе об этом.

— Ты слишком добр, господин! — произнес Магома покорно, однако в черных глазах его, прикрытых темными длинными ресницами, искрились недобрые огоньки.

Втроем они сидели у костра в просторной пещере Уплисцихе, или пещерного города, находившегося в семи верстах от Гори, в самом сердце Карталинии, плодороднейшей части Грузии. Неподалеку были стреножены их лошади — сильные, выносливые горские лошадки. Все трое были одеты в темные чохы с газырями на груди, в бараньи папахи и мягкие чувяки; у всех троих были заткнуты за поясами кинжалы и пистолеты, а у молодого господина, очевидно, начальника, была кривая турецкая сабля, впрочем, и все его оружие выглядело богаче и наряднее оружия товарищей. Он и внешне отличался от остальных. Лица Магомы и Ахмета были отмечены характерным выражением вороватой пронырливости, тогда как в тонких чертах его красивого лица преобладала величавая гордость. Черные глаза горели отвагой, губы прекрасного ребенка улыбались насмешливо, гордо и властно. Детская чистота и даже наивность уживались в выражении этого лица с надменностью, дерзким вызовом, и, быть может, в этом и состоял секрет его обаяния. Ему было лет двадцать пять, не больше.

Догоравшие уголья костра, осветив прощальным светом пещеру, потухли. И все погрузилось во мрак. Лишь на мгновения освещалось убежище горцев — отсветами молний.

— Пора спать, — предложил красивый горец с гордой осанкой, — на заре надо двигаться дальше. Наши ждут у истоков Арагвы... Опаздывать нельзя... Алла верды...

Сбросив с плеч суконную чоху, он разостлал ее на полу пещеры и, повернувшись лицом к востоку, стал шептать слова вечернего намаза. «Ал-иллях-иль-Алла, Магомет рассуль-Алла!» — слышалось в темноте.

Товарищи последовали примеру начальника.

Вдруг страшный, пронзительный крик прорезал ночь.

— По-мо-ги-те!.. Спасите! — молил неподалеку от пещеры испуганный голос.

— Ты слышишь, господин? Он не ошибся! Это не джин бездны завлекает путника. Там кричит человек! — согласился, наконец, Ахмет, вскакивая на ноги.

— Может быть, богатый человек. Может быть, армянский купец из Тифлиса или Гори... — предвкушая наживу, подхватил Сумбат-Магома.

— Молчи, Магома! Или ты не знаешь, что несчастье человека, нуждающегося в помощи, не может повлечь к дурным мыслям о грабеже? Или ты, как простой душман, думаешь только о наживе?.. Стыдись, Магома, высказывать то, чем черный дух смущает твою душу... Надо спешить на помощь, надо спасти человека...

И, выхватив из костра тлеющую головню при помощи двух кинжалов, ага-Керим, как звали красивого горца, мгновенно раздул ее и, освещая себе путь, выбежал из пещеры.

— Эй! Ради Аллаха! Откликнись, где ты? — перекрывая шум дождя, разносился в горах голос Керима.

Потом он замер с высоко поднятой головней в руках, дожидаясь ответа... Его друзья молча остановились за ним.

Только отдаленные раскаты грома, неизбежные спутники грозы, медленно затихая, отдавались замирающим эхом в сердце каменных утесов. Наконец, тихий стон послышался поблизости:

— Помогите! Я умираю!

— Это не наш! Это урус просит о помощи! Брось его погибать, как собаку! — возбужденно заговорил Ахмет, приближаясь в темноте к Кериму.

— И урусы, и мусульмане, все люди равны перед лицом Аллаха! — раздался во мгле гортанный голос Керима.

И с поднятой головней он бросился к тому месту, откуда слышался стон. Какое-то черное существо, уцепившись за сук архани, старалось удержаться на откосе бездны.

— Кто ты? — крикнул Керим по-лезгински.

Только глухой стон был ему ответом.

— Кто ты, назовись, во имя Аллаха, если ты жив! — крикнул горец — уже по-русски.

Из-под черной бурки выглянуло бледное, как смерть, юное лицо, и дрожащий голос прошептал:

— Мне плохо... У меня сломана рука... Помогите... — и голосок бедняги сорвался в мучительный стон.

— Сумбат-Магома... Ахмет... Мои верные друзья! Сюда! Скорее, ко мне на помощь... Мальчик умирает! — вскричал Керим, бросаясь к погибающему.

Подобравшись к нему, Керим быстро взвалил на плечи небольшую и легкую, как перышко, фигурку и понес к пещере.

Ахмет и Сумбат-Магома последовали было за своим господином, как вдруг глаза их, пронзительные и зоркие, как у кошек в темноте, заметили погибшего коня с дорогим седлом, под расшитой шелками попоной. Сумбат-Магома, не раздумывая, устремился за добычей. Седло он взял себе, а попоны подарил Ахмету — в знак примирения.

Яркий свет костра снова освещал пещеру. У самого огня лежал юный путник, спасенный Керимом. Юноша все еще не пришел в чувство. Высокая белая папаха с атласным малиновым верхом была низко надвинута на лоб... Тонкий прямой нос с горбинкой, полураскрытый алый рот с жемчужной подковкой зубов. Длинные ресницы, черные, сросшиеся на переносице брови подчеркивали белизну кожи. Лицо казалось воплощением строгой юношеской красоты.

Керим-ага долго стоял, любуясь юношей или скорее мальчиком, потому что на вид ему было не более четырнадцати,

пятнадцати лет. Потом он быстро обернулся к Сумбат-Магоме и коротко приказал:

— Набери воды в горном источнике в свою папаху, Магома, и принеси сюда скорее.

— Слушаю, господин! — отвечал тот почтительно и бросился исполнять поручение.

Тотчас же он вернулся со студеной ключевой водой. Керим-ага поспешил снять папаху с бесчувственно распростертого перед ним мальчика, чтобы смочить ему лицо и голову, и... общий крик изумления огласил низкие своды пещеры.

Из-под высокой бараньей папахи скользнули две черные и блестящие девичьи косы!

Перед Керимом и его друзьями лежала красивая девушка или, вернее, девочка-подросток того истинно кавказского типа горянки, который встречается только в лезгинских аулах Дагестанских гор.

Словно разбуженная неожиданным криком, девочка пришла в себя и открыла глаза...

Ни страха, ни испуга не было в этих горящих, как звезды, глазах при виде незнакомых мужчин.

— Где я? — спросила черноглазая девочка по-лезгински, задержав взгляд на красивом характерном лице горца.

— В Уплис-цихе, красавица! — отвечал тот, — в пещерном городе, где жил когда-то могучий и смелый народ картли...

Едва дослушав ответ, она обратилась к Кериму с новым вопросом:

— Кто вы?

— Разве ты не знаешь, красавица, что в горах Кавказа не спрашивают имени встречного? Ведь я не спрашиваю тебя, почему ты, девушка, носишься в такую ночь в горах, одетая джигитом?

— Напрасно! — воскликнула девочка, и черные глаза ее сверкнули чуть заметной усмешкой. — Только барантаци и душманы скрывают свое имя... а я... я племянница и приемная дочь знатного и известного русского генерала, князя Ге-

оргия Джаваха, я могу сказать мое имя — меня зовут Нина бек-Израэл.

Бледное личико выражало столько гордого достоинства, что горцы могли не сомневаться в том, что она сказала правду о своей принадлежности к знатному аристократическому роду.

— Я не останусь в долгу у тебя, княжна, — произнес со своей обычной тонкой усмешкой Керим, — и также назову себя, чтобы не слышать от слабой женщины, почти ребенка, упрека в трусости: не простой барантач пред тобой, красавица. Я — Керим-Самит, бек-Джемал, из аула Бестуди.

Едва молодой горец договорил, бледное личико девочки вспыхнуло ярким румянцем.

— Бек-Джемал-Керим, вождь душманов? Глава разбойничьих шаек, наводящий ужас чуть не на весь Кавказ? Тот, за поимку которого назначена огромная сумма, которого ищут казаки в горах, для которого давно приготовлена тюрьма, Керим-Джемал-ага — ты?!

— Я! — спокойно подтвердил красивый горец и, скрестив руки на груди, смотрел в лицо Нины, пожалуй, наслаждаясь впечатлением, произведенным на нее его словами.

— Ты? — только и могла выговорить княжна, — ты — Керим, тот Керим, который грабит мирных путников, врывается в селения добрых людей и...

— Это ложь! — воскликнул молодой бек и топнул ногой, обутой в мягкий чувяк, — это ложь! Кто говорил тебе все это, княжна?

— Кто говорил! — пылко подхватила Нина, и большие, выразительные глаза ее загорелись беспокойными огоньками. — Дядя Георгий говорил мне это, моя старшая названная сестра Люда говорила, знакомые, слуги, все... все... Весь Гори знает твое имя, твои ужасные подвиги... Весь Гори говорит о том, как ты проливаешь кровь невинных... Говорят...

— Они лгут! — сумрачно произнес бек-Джемал. — Видит Аллах, они лгут! Керим-бек — не барантач-душегуб, не раз-

